

- P. 31, 33; 2) A revolution foiled: Queens county. P. 418 - 420, 441 - 444. Подробнее материалы о соотношении сил в южных графствах Нью-Йорка см.: Ушаков В. А. Американский лоялизм. Гл. I.
57. Tiedemann J. S. A revolution foiled: Queens county. P. 422, 427, 442 - 444.
58. Tiedemann J. S. 1) Patriots by default.. P. 37, 62 - 63; 2) Loyalists and conflict resolution in post-revolutionary New York... P. 32 - 35.
59. Tiedemann J. S. 1) Patriots by default.. P. 62 - 63; 2) Loyalists and conflict resolution in post-revolutionary New York... P. 34 - 38, 40 - 44.
60. Tiedemann J. S. 1) Patriots by default.. P. 63; 2) Loyalists and conflict resolution in post-revolutionary New York... P. 42.
61. Tiedemann J. S. 1) Patriots by default.. P. 35 - 36; 2) Loyalists and Conflict Resolution in Post-revolutionary New York... P. 30, 43; 3) A Revolution Foiled: Queens County. P. 418, 421; Klein M. N. 1) An Experiment Failed: General James Robertson and the Civil Government in New York, 1779 - 1783 // New York History. 1980. Vol. 61. №3. P. 229 - 254; 2) Why did the British Fail to win the Hearts and Minds of New Yorkers? // Ibid. 1983. Vol. 63. №3. P. 357 - 375; Higginbotham D. Reflections on the War of Independence, Modern Guerilla Warfare, and the War in Vietnam // Arms and Independence: The Military Character of the American Revolution / Ed. by R. Hoffman, P. J. Albert. Charlottesville, 1984. P. 1 - 24; etc.
62. Woodward Vann C. American Attitude towards History. Oxford, 1955. P. 7.

Н.Б. Сторожев

Труды П. П. Митрофанова об имперской политике дома Габсбургов в XVIII в.: к истории написания.

В последние годы появилось несколько публикаций, посвященных творчеству петербургского историка Павла Павловича Митрофанова (1873 - 1917), но в них, к сожалению, не использованы все доступные архивные материалы сохранившиеся в отделе рукописей РНБ и в фондах ЦГИА СПб /1/. Речь идёт прежде всего о письмах П. П. Митрофанова к своему учителю и

наставнику С. Ф. Платонову, позволяющие уточнить некоторые страницы биографии историка и дающие возможность должным образом оценить тот колоссальный труд, который был затрачен русским историком при работе в европейских архивах и библиотеках по написанию исследований об имперской политике дома Габсбургов. Но есть еще один, на наш взгляд, интересный аспект этой темы, который мы можем лишь обозначить в данной публикации. Творческая биография П. П. Митрофанова позволяет воссоздать историю взаимоотношений в предвоенной Европе ученых разных стран и национальностей, даёт возможность составить представление о достижениях русской исторической науки и о влиянии российского научного сообщества на общественное мнение европейских стран в конце XIX - начале XX вв.

В конце XIX в. особый интерес русских историков привлекла история Австрийской империи и не случайно лучшие ученики профессора Н. И. Кареева А. М. Ону и П. П. Митрофанов занялись проблемой просвещенного абсолютизма и эволюции имперской политики Габсбургов в XVIII в. Александр Михайлович Ону (1865 - 1938) в силу ряда обстоятельств не допущенный к преподавательской деятельности: он «отличился» во время студенческих волнений и потому вынужден был на время оставить регулярные занятия историей. Ему суждено было сделать успешную карьеру на государственной службе в должности помощника статс-секретаря Государственного Совета. Позже он стал известным историком Французской революции, занимался в Национальном архиве Франции и вернулся в университетскую среду в должности приват-доцента лишь в 1915 году /2/. Иная судьба была уготована П. П. Митрофанову. Ему предстояло в период приготовления к профессорской деятельности не только вести напряженную педагогическую деятельность в ряде учебных заведений, но и на протяжении 1901 - 1903 гг. постоянно, а затем каждое лето вплоть до 1914 г., упорно работать в архивах европейских столиц, кропотливо собирая и обобщая материалы, которые стали солидной источниковой ба-

зой защищенной им в 1907 г. магистерской диссертации «Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги (1780 - 1790)» и известных во всем тогдашнем ученом мире монографий /3/. Его знаменитый труд о политической деятельности Иосифа II был и остается на сегодняшний день по мнению одного из современных историков профессора Вюрцбургского университета П. Баумгарта основополагающим исследованием по этой теме. Эта работа была переведена и издана в двух томах в Вене в 1910 г. Об этом П. П. Митрофанов пишет в одном из писем С. Ф. Платонову: «Поразило меня отсутствие профессиональной зависти: недель через 5 выйдет немецкий перевод моего Иосифа, для меня нежданно-негаданно, и его редактируют, корректуру и снабжают предисловием специалисты по той же эпохе!» /4/.

Почему работа русского исследователя породила такой интерес? Может быть это можно воспринимать как дань огромному трудолюбию историка: на каждой странице его труда мы находим цитируемые им в подстрочнике архивные материалы (только краткий анализ источников в его первой работе занимает 101 страницу и содержит ссылки на фонды 8 европейских архивов)? А может все объясняется тем, что он практически первым столь серьезно занялся изучением эпохи просвещенной монархии и политики иозефизма? В действительности, он может быть назван первопроходцем в плане обширности подхода и оригинальности восприятия огромного комплекса исторических источников XVIII в.

Как справедливо считал русский историк Австрия «немало славных, великих имен подарила миру на всех поприщах и «лоскутная монархия» остается великой державой, к «голосу которой приходится с вниманием прислушиваться, а история которой может многому научить». И все же история Австрии оставалась в начале века Золушкой немецкой исторической науки, она редко удостоивалась внимания и ею занимались как бы попутно. В своих трудах и письмах русский историк пытается найти объяснение такому парадоксу сложившемуся в ис-

ториографии, попробуем и мы вместе с ним реконструировать историю изучения в Австрии имперской политики XVIII в. Как справедливо считал русский историк Австрия немало славных, великих имен подарила миру на всех поприщах и «лоскутная монархия» остается великой державой, к голосу которой приходится с вниманием прислушиваться, а история которой может многому научить. По словам Митрофанова, «как ни глубока была эрудиция, как ни разносторонни были научные интересы такого князя от истории каким был Ранке, но и он обошел вниманием Габсбургскую монархию» /5/. В его двухтомной книге «Die deutschen Mächte und Fürstenbund» Австрия Иосифа II является лишь тем темным фоном, на котором еще ярче должна выступать патриотическая деятельность великого Фридриха. Почему в Австрии, несмотря на создание государством всех условий для развития науки (придунайская империя справедливо может гордиться своими университетами, академиями, учеными институтами, своими изданиями и историческим образованием в средней и высшей школе, превосходно поставлено архивное дело) и все-таки если и не молчат совсем о своем прошлом, то ограничиваются изданием документов и монографиями по локальным или специальным вопросам.

Такого знатока античности, как Т. Гомперц (1832 - 1912), автора изданной в России на рубеже веков истории античной философии, медиевиста Т. Зиккеля (1826 - 1905), одного из основателя современного источниковедения надо еще поискать в других странах и «в то же время нет ни одной исчерпывающей работы ни про одного видного государственного деятеля нового времени». За исключением нескольких работ А. Ф. Арнета (им была опубликована, в частности, переписка Иосифа II и Леопольда II с Екатериной II), которого скорее можно назвать превосходным архивариусом, а не историком так, как «синтеза, выводов, освещения и смысла событий мы у него не найдем» /6/. Благодаря трудам этого усердного и талантливого исследователя австрийская историография и археография поднялась на высоту современных научных требований, но личные письма Ио-

сифа II опубликованы лишь фрагментарно.

Австрийским историкам очень сложно, почти невозможно, с должным беспристрастием относиться к описываемым событиям собственной истории. И несомненно, считает П. П. Митрофанов можно принять за правило, что историк будет тем беспристрастнее, чем дальше по своему происхождению, времени рождения, воспитанию, по политическим, национальным и материальным интересам, он отдален от описываемых им событий и исторических персонажей.

Он наблюдает и пытается понять суть происходящего на его глазах, ту острую национальную вражду, которая обуяла все народы «лоскутной монархии», осужденные волей исторических судеб на тесное сожительство. До настоящего времени совместное сосуществование вряд ли можно назвать мирным: газетная война, парламентская обструкция, министерская чехарда, споры из-за переименования городов и улиц, обособление научных обществ и общественных учреждений на принципах национализма. «И в этой атмосфере распаленной вражды и болезненных трений, под ударами уязвленного национального самолюбия вырастают историки, которые подобно всем остальным грешным, тоже люди, тоже человеки, и которые, конечно, не могут оторвать своего «я» от отведенного им судьбой места и времени» /7/. Вполне естественно, что при такой психологии многие образы прошлого, и при том как раз наиболее яркие, выдающиеся личности утратили в глазах австро-венгров свой истинный первоначальный облик и превратились в какие-то символические хоругви, вокруг которых и во имя которых формируются под национальными лозунгами различные партии. Воскресить истину, восстановить историческую правду - это в Австрии является предприятием далеко небезопасным, и осмелившийся на это может ожидать, что с той или другой стороны, а скорее всего с обеих, на него посыплются громы. Отважиться на такую борьбу решиться далеко не каждый и именно этим обстоятельством объясняется странное на первый взгляд явление - австрийцы как будто пренебрегают своим прошлым.

П. П. Митрофанов видит также причины такого положения дел в необычайной сложности попыток систематизировать собранный и, порой с такими трудностями, архивный материал. Габсбургская монархия оставалась и остается разобщенным на отдельные части, разноязычным, разноплеменным государством, и историк, избравший для своего исследования ту или иную эпоху, ту или иную сторону жизни, какого бы уровня подготовки он не был, не может дать цельной картины развития, ему приходится отказаться от всякого внутреннего единства и прибегнуть к неким ассоциациям и обобщениям. Кстати, по поводу своей книги он в предисловии замечает, что не хватит человеческой жизни для детального, всестороннего и исчерпывающего изучения политической деятельности императора. Поэтому, желая по возможности сохранить работе синтетический характер, приходится отказаться от равномерной разработки всего существующего материала и уделить главное внимание лишь одной стороне изучаемой эпохи.

В своих письмах и отчетах П. П. Митрофанов неоднократно пишет о удивительной доступности австрийских архивов, в том числе архива министерства внутренних дел. «Слухи об австрийском секретничанье, о которых все говорили в Германии, оказались положительно легендой. Везде прием самый вежливый и предупредительный, так что пока не понадобилось даже вмешательства русского посольства». Жаловаться приходится только на две вещи: «на непомерную дороговизну и на великую лень здешних чиновников: архив открыт только до половины второго, а библиотеки до 2-3 часов» /8/. Еще одно свидетельство упорного труда ученого, и так в течение четырех месяцев пребывания в Вене. И в письме от 30.04.1903: «Кое что оказалось разбросано по провинциальным архивам в Граце и Лайбахе, но благодаря необычайной любезности здешних архивариусов удалось обойти и это препятствие: заведующий архивом попросту выписал «для служебных целей» то что мне следовало. Вообще, я не могу достаточно нахвалиться любезностью немцев ... таинственность австрийских министерств, по моему

личному наблюдению не более, как легенда».

Желающий специализироваться в этой области наталкивается еще на одно весьма существенное затруднение - на необходимость стать «несравненным полиглотом». В самом деле для большинства одолеть славянские языки, немецкий, итальянский, французский, венгерский и по возможности румынский представляется делом почти невозможным (сам он блестяще владел древними и европейскими языками, преподавал латынь и древнегреческий в лучших учебных заведениях России /9/. Но подобного рода проблемы возникали и у него. Так в Будапеште он приступает к изучению трехтомного исследования Хенрика Марцали (1856 - 1938), опубликованного в 80-ые гг. XIX в., посвященного проблематике международных отношений эпохи Иосифа II. Пишет о значении этого исследования и добавляет, но «книги его на венгерском, а на изучение этого языка у меня положительно не хватает времени. При разборе источников я надеюсь, что незнание это не будет иметь невыгодных последствий, так как все документы написаны на латинском или немецком языках. Вот где помогают имперские амбиции и «германизаторские тенденции моего героя». Работается по его словам легко и весело и «если бы не хворь и не политические волнения, Будапешт остался бы лучшим воспоминанием моей командировки». Далее он пишет о служащих архивов, которые «высказали полную готовность дать и показать мне все что хранится у них по иозефинскому вопросу. Беда заключается в другом, и именно в том, что документов касающихся той эпохи чересчур для меня много». Он еще не раз будет писать и говорить о любезности архивариусов Австрии, но хочется заметить что этого вряд ли можно было ожидать по отношению к человеку недостойному такого внимания, незаинтересованному в изучении истории их народа или мало компетентному. И это подтверждается следующей ремаркой Митрофанова: «Пришлось ограничиться выборкой наиболее важных и характерных протоколов и протестов и в этом отношении огромную помощь оказал профессор Марцали, один из лучших знатоков иозефинской эпохи» /Пись-

мо С. Ф. Платонову от 1/14.IX.1903/. Речь идет о знаменитом венгерском ученом, который в духе Ранке стремился к всестороннему охвату процессов каждой из изучаемых им эпох и сочетал это с тонким, филигранным анализом источников на основе применения критико-филологического метода. Было чему поучиться молодому исследователю. В своей книге русский историк с благодарностью пишет и о том, что пользовался списками рукописей, хранящимися в архиве Национального Музея Будапешта, «любезно предоставленным мне в распоряжение профессором Марцали». Неоднократно ссылаясь на труды маститого ученого, в частности, по проблеме прусско-венгерской унии 1788 - 1790 гг., он пишет о фантастической на первый взгляд комбинации, по которой «Великая Германия» могла возникнуть при помощи мадьяр, эти злейших врагов германизации. Как тут не вспомнить, что профессор Марцали ратовал за сохранение «тысячелетней империи», хотя и осуждал крайности политики принудительной мадьяризации /10/. И скорее всего, эти мысли Митрофанова результат бесед, которые обычно возникают в результате неформального общения ученых на почве общих интересов. И это лишь один из многих примеров установившихся на долгие годы тесных контактов П. П. Митрофанова с его европейскими коллегами.

В этом плане очень важным событием в жизни П. П. Митрофанова стал международный исторический конгресс состоявшийся в Лондоне в апреле 1913 г., на который он был приглашен личным посланием секретаря этого ученого форума. В просьбе о его направлении в Лондон, написанной директором Императорского историко-филологического института В. В. Латышевым Министру народного просвещения читаем: «признавая профессора Митрофанова одним из достойнейших членов профессорской корпорации, зная его широкие научные проекты, уважая обширные и разносторонние познания и стремление, командировать с ученой целью за границу» /11/. На конгрессе в секции по новой истории П. П. Митрофанов сделал доклад «Леопольд II и Кауниц», на который собрались все венгерские и

австрийские делегаты и вызвавший их особый интерес положением о том, что император остался на Габсбургском троне «малым герцогом Тосканским» /12/.

В своем отчете о проделанной работе П. П. Митрофанов с свойственной ему прямоотой замечает, что «наши ученые произвели необычайно выгодное впечатление: знание ими языков, свободная, непринужденная речь, смелость и вместе с тем обоснованность их научных выводов доставили им одно из первых мест на конгрессе» /13/. Думается, что эти слова мы целиком и полностью можем отнести и в адрес самого русского профессора, творчеством которого несомненно следует продолжать заниматься, а основные его труды переиздать.

1. См. Барбашина О. И., Жиряков И. Г. Австроведаческая новистика в России: зарождение и основные этапы развития. М., 2000
2. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11120.
3. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 16102. П. П. Митрофанов. Приготовление к профессорской деятельности
4. ОР РНБ. Ф. 585. Платонов С. Ф. Д. 3561. Письма П. П. Митрофанова. Л.9.
5. ЖМНП. 1913. Август. С. 343.
6. Там же. С. 344.
7. ЖМНП. 1913. Август. С. 345.
8. Письмо С. Ф. Платонову. 31/12. 1902.
9. ЦГИА СПб. Ф. 53. Оп.1. Д. 3464. О назначении преподавателем Митрофанова.
10. См. Историография истории нового времени стран Европы и Америки. М., 1990. С. 449.
11. ЦГИА СПб. Ф. 53. Д. 3464. Л. 83.
12. Гермес. 1913. №10 (116). С. 283.
13. Там же. С. 280.

История использования французского языка в качестве международного языка дипломатии: историческая реальность и династический заказ

Традиционно считается, что французский язык стал применяться за пределами Франции в качестве международного официального и дипломатического языка в царствование Людовика XIV.

В 1678 - 1679 гг. в голландском городе Нимвеген был заключен ряд мирных договоров между Францией и ее противниками - Соединенными провинциями, Испанией и Священной римской империей, положивший конец Голландской войне (*Traité de Nimègue*). Переговоры велись, естественно, на языке победителя - французском. Самые большие потери в этой войне понесла Испания, вынужденная отдать Франции провинции Франш-Конте, Артуа и южную часть Фландрии. Нимегские договоры были дополнены договором от 5 февраля 1679 г. между Людовиком XIV и императором Германии Леопольдом I. Этот договор был унижительным для Германской империи, вынужденной признать условия Вестфальского договора 1648 г., ознаменовавшего окончание Тридцатилетней войны. Франция сохранила за собой Лотарингию и ликвидировала относительную автономию Эльзаса. На севере Европы Людовик XIV заставил Данию и Бранденбург вернуть все территории, захваченные у Швеции, бывшей союзником Франции. Благодаря этим победам, Франция стала главным военным, политическим и дипломатическим арбитром всей Европы.

Первым международным дипломатическим документом на французском языке по традиции считается Раштаттский договор (*Traité de Rastadt*), заключенный в 1714 г. и завершивший войну за испанское наследство. Почти все дипломатические